

Инью почувствовал, что что-то не так, совсем не так.

Потому что выражение лица Иньчжэня не изменилось с тех пор, как закончились занятия в школе. Хотя выражения лица Иньчжэня не отличались разнообразием, обычно он не был таким невыразительным. Инью ненадолго задумался. Во второй половине дня стрельба четвертого брата была очень точной, и он скакал на лошади очень уверенно. У третьего брата не хватило смелости спровоцировать его напрямую, пятый брат, тем более, не стал бы нарываться на неприятности. Его спровоцировал восьмой брат? Это тоже не может быть правдой. Восьмой брат тренировался рядом с ним сегодня днем. Разве он мог пересечься с четвертым братом, находясь от него на расстоянии нескольких чжан?

Конечно, у мальчика просто наступил бунтарский период. Инью сразу все понял и спросил, демонстрируя терпение взрослого дяди: «Четвертый брат, что с тобой не так?»

Иньчжэнь посмотрел на Инью, заложил руки за спину и медленно произнес несколько слов: «Всё в порядке». Но тон его голоса звучал холодно.

Как всё может быть в порядке, если он говорит в таком тоне? Инью вздохнул. Этот парень был действительно неловким. Он протянул руку и потянул Иньчжэня за рукав: «Четвертый брат, ты беспокоишься о каком-то деле?»

Иньчжэнь посмотрел на его белую руку и некоторое время не знал, что сказать.

- Или, если есть что-то, что делает тебя несчастным? Я выслушаю тебя.

Глаза собеседника были полны беспокойства, уголки рта Иньчжэня дрогнули, и в глубине души он почувствовал себя очень неловко. В последнее время ему становилось всё более не по себе в обществе седьмого брата, и он даже не хотел, чтобы другие братья подходили слишком близко к нему. Собственное душевное состояние действительно заставляло его испытывать волнение и отвращение.

- Я в порядке, седьмой брат, не волнуйся. - Как он мог позволить другой стороне узнать о своих мыслях? Разве тогда доверие и забота седьмого брата не обесценятся? Он совершенно не мог отплатить за доверие седьмого брата дурными мыслями. И если бы седьмой брат узнал об этом, что бы он почувствовал? Отвращение? Может быть, испуг?

Существует только два способа разобраться с такого рода желанием: первый заключается в том, что об этом нельзя говорить, а другой - в том, чтобы держаться подальше от Инью. Если конечным результатом будет отчуждение и отвращение, зачем утруждать себя соблюдением правила «старший брат должен быть добрым, а младший — почтительным» всю оставшуюся жизнь? По крайней мере, он все еще четвертый брат, которого он уважает, которому доверяет и которого любит.

Цвет лица и выражение глаз Иньчжэня менялись несколько раз, и Инью внезапно вспомнил о

девушках для дворцового гарема, о которых в полдень упоминал третий брат, и о том, что старшие братья были близки к тому, чтобы покинуть дворец и обустроить собственные резиденции. Неужто... четвертый брат размышлял о девушках?

«Потребность в еде и плотских утехах естественна»*, четвертый брат действительно вырос. Поняв это, Инью снова почувствовал себя счастливым. К счастью, в этой жизни он был принцем. В отличие от предыдущей жизни, где ему необходимо было иметь дом, машину и депозит, чтобы найти девушку, всё, что ему было нужно в этой жизни, - это заставить императора даровать ему на несколько женщин меньше. Хотя он был мужчиной, ему не нравилось правило «трех жен и четырех наложниц»**. Даже если в настоящее время он не может быть моногамным, как принц, ему следует впускать меньше женщин в свою резиденцию. По крайней мере, он не должен посрамить те толики совести, которые остались у него с тех пор, как он попал во дворец.

* это высказывание принадлежит Мэн-цзы.

** обр. множество жён и любовниц.

- Четвертый брат, давай вместе сходим во дворец Юнхэ.

Он должен был проявить уважение к юношеским чаяниям, поэтому не стал расспрашивать и сменил тему.

Инъчжэнь взглянул на Инью и кивнул, но не сказал ни слова.

Два брата всю дорогу молча шли по дворцовой дороге. Когда они проходили мимо грушевого сада, где груши цвели белым цветом, выглядя действительно красиво, Инью ненадолго остановился, прежде чем снова последовать за Инъчжэнем вперед.

Наложница Дэ пользовалась благосклонностью Канси в течение последних двух лет, поэтому, увидев Инъчжэня, она расплылась в улыбке, и, немного поболтав, спросила:

- Четвертый агэ, император хочет, чтобы ты поучился службе?

- Да, Э-нян, - ответил Инъчжэнь с серьезным лицом.

Наложница Дэ привыкла к отношению Инъчжэня, поэтому не выказала никакого неудовольствия.

- Твой Хуан Ама поручил тебе важное задание, и ты не должен относиться к этому небрежно. Если что-то пойдет не так, боюсь, Э-Нян и твой младший брат тоже будут наказаны.

Ей было чрезвычайно трудно подняться до положения императорской наложницы, поэтому её беспокойство было вполне резонным.

Услышав это, Иньчжэнь не выказал никаких эмоций, сказав с деревянным лицом:

- Я последую наставлению Э-Нян.

Наложница Дэ кивнула:

- Я беспокоюсь, что твой четырнадцатый брат остался в комнате один, поэтому ты можешь идти.

Иньчжэнь поднял глаза на отчужденное лицо наложницы Дэ, опустил веки, встал и, поклонившись, сказал:

- Тогда я приму дозволение уйти.

Выйдя из внутренних покоев и постояв некоторое время во дворе, Иньчжэнь почувствовал, что затаённое негодование в его сердце значительно рассеялось.

- Ничтожный слуга приветствует четвертого агэ, - мимо прошел евнух, держа чашу с лекарством.

Иньчжэнь кивнул.

- Кто-то болен?

- Отвечаю четвертому агэ: наложница Чэн два дня назад простудилась. - Евнух знал, что у седьмого и четвертого братьев были хорошие отношения, поэтому не стал ничего скрывать. - Сегодня ей намного лучше, но кашель все еще продолжается.

- Пожалуйста, позаботьтесь о Чэн Э-Нян. - На лице Иньчжэня отразилось беспокойство.

Услышав это, младший евнух опустился на колени.

- Этот слуга благодарит четвертого агэ от имени хозяйки.

- Хорошо, можешь идти, - Иньчжэнь попросил его встать и увидел, как Инью, нахмурившись, выходит из комнаты в западном крыле.

- Седьмой брат, - обеспокоенно позвал Иньчжэнь.

- Четвертый брат, - Инью помахал евноху с лекарством, который собирался поклониться ему, и бок о бок с Иньчжэнем направился к выходу из дворца Юнхэ.

- С Чэн Э-Нян все будет в порядке, не волнуйся, - погладил его по голове Иньчжэнь. - Два дня назад я получил один из экземпляров прописи знаменитого мастера каллиграфии, я попрошу кого-нибудь принести его тебе позже.

- Спасибо тебе, четвертый брат, - только и сказал Иньчжэнь.

Инью знал, что Чэн Э-нян в будущем будет повышена до шуфэй* с титулом Чэн**, но у наложницы Чэн недавно появился сильный кашель после того, как она простудилась во время весенних заморозков. Как человек, которые лишил ее сына собственного тела и получил ее любовь и заботу, в конце концов, ему было за что стыдиться перед этой женщиной.

* наложница (дин. Цин).

** 成 chéng - процветать.

Иньчжэнь вернулся к себе во двор, попросил Сяо Луцзы найти лекарство от кашля, немного подумал и сказал: «Пойди и отнеси их седьмому брату. Просто скажи, что это лекарства от кашля».

Он не мог отправить эти вещи непосредственно наложнице Чэн. Во-первых, потому что он больше не был ребенком, во-вторых, сегодняшний день не был особым днем, когда можно было отправлять вещи наложницам в гареме. В-третьих, он не хотел, чтобы Хуан Ама подумал, что он пытается завоевать расположение наложниц в гареме, ведь перетягивать на свою сторону наложниц из императорского гарема было табу для принцев.

Инью посмотрел на бутылки и склянки на столе и протянул руку, чтобы взять бутылёк с длинным горлышком. Корпус бутылка был гладким и выглядел изысканно, к его изготовлению явно подошли очень тщательно. Видя, что его хозяин долгое время сидит молча, Фу До почувствовал себя неловко, не понимая, что происходит.

- Отправь эти лекарства Э-Нян. - Инью поставил изящный фарфоровый флакончик на прежнее место. - Кроме того, скажи слугам закрывать двери и окна на ночь и не зажигать благовония в течение нескольких дней. Также они не должны заносить в ее комнату цветы или что-то подобное. Проследи за этим сам, и если кто-то из слуг забудет мой наказ, задай ему хорошую взбучку.

- Будет исполнено, - Фу До убрал пузырьки с лекарствами один за другим и вывел пришедшего евноху за дверь.

Инью вздохнул, встал и сказал:

- Подойди и помоги мне переодеться.

- Господин, не желаете зажечь благовония, присланным четвертым агэ? – спросила дворцовая служанка.

Инью на мгновение растерялся:

- Разве благовония, которые четвертый брат прислал в прошлый раз, не закончились?

- Закончились, но два дня назад евнух Сяо Луцзы отправил еще немного. Он сказал, что подсчитал дни и боялся, что они почти закончились. Четвертый агэ вспомнил и попросил кого-нибудь принести их вам.

Маленькая прислужница подумала про себя, что четвертый агэ действительно был добр к ее господину.

- Понятно, тогда давай зажжем то, что передал четвертый брат, - пока евнух помогал Инью переодеться, он все еще чувствовал себя немного неуютно в глубине души. По-простому это чувство называлось «неспокойная совесть».

Четвертый старший брат был действительно добр к нему.

Прежде чем Инью успел лечь, он услышал голос слуги внизу, доносящийся снаружи: «Господин, восьмой агэ прислал человека с лекарством от кашля». Инью молча сел, молча развернул одеяло, молча оделся с помощью дворцовой служанки и молча вышел. Когда он вошел в парадный зал, то увидел младшего евнуха с подносом, на котором стояли всевозможные пузырьки с лекарствами.

- Поблагодари от меня восьмого брата.

После того, как Инью наградил младшего евнуха, он посмотрел на грудку пузырьков с лекарствами перед собой и почувствовал, что сегодня вечером немного холодновато.

Спустя время, за которое сгорает одна палочка благовоний*.

* 10-15 минут.

- Господин, третий агэ прислал слугу с лекарствами.

Спустя время, за которое сгорает две палочки благовоний.

- Господин, наследный принц прислал слугу с лекарствами.

После сгорания еще одной пары палочек благовоний.

- Господин, пятый агэ прислал слугу с лекарствами.

...

- Господин, тринадцатый агэ прислал слугу с лекарствами.

Почему тринадцатый тоже присоединился к веселью?!

Инью посмотрел на всевозможные бутылки, склянки и флакончики на столе и с отсутствующим выражением лица попросил евнуха, сидевшего рядом с ним, убрать их.

Конечно же, принцип работы дворца заключался в том, чтобы испортить всё всякий раз, когда он чувствовал себя растроганным или эмоциональным. Сегодня он в очередной раз осознал эту истину.

<http://bllate.org/book/15126/1336932>